

Александр Валентинович Амфитеатров

Враг

Александр Валентинович Амфитеатров

Враг

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2779765

Аннотация

«Вот я и на родине! Хороша моя дорогая Волынь! Тишь, гладь и Божья благодать. Сейчас бродил по парку... Темь, глушь... дорожки густо заросли травой... Скитался, как в лесу: напролом, целиной, сквозь непроглядную заросль сирени, жимолости, розовых кустов, одичавших в шиповнике, барбариса, молодого орешника. Еле продираешься между ними, унося царапины на лице и прорехи на платье. Из-под ног скачут зайцы, над головою звенит тысячеголосый птичий хор. Войдешь в это певучее зеленое царство, и – точно отнят у остального мира. Ступил два шага от нашего ветхого палаца, и его уже закрыл зеленый лиственный полог...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

19

Александр Валентинович Амфитеатров Враг *Сказка Иванова дня*

1 мая 1893 года

Вот я и на родине! Хороша моя дорогая Волынь! Тишь, гладь и Божья благодать. Сейчас бродил по парку... Темь, глушь... дорожки густо заросли травой... Скитался, как в лесу: напролом, целиной, сквозь непроглядную заросль сирени, жимолости, розовых кустов, одичавших в шиповнике, барбариса, молодого орешника. Еле продираешься между ними, унося царапины на лице и прорехи на платье. Из-под ног скачут зайцы, над головою звенит тысячеголосый птичий хор. Войдешь в это певучее зеленое царство, и – точно отнят у остального мира. Ступил два шага от нашего ветхого палаца, и его уже закрыл зеленый лиственный полог. Коегде в кустах попадаются обломки статуй – безносые головы, безрукие и безногие торсы. Гипс размок и почернел, мрамор оброс мхами; на плечах обезглавленной Цереры, из перегной прелых листьев, поднялся бодрый малютка – дубок. Наш предок-магнат, вельможный пан грабя Петш Вавжинец Ботва Гичовский, полтора ста лет тому назад превративший

здановские рощи в парк, победил было лесную глушь. Но потомки зазевались – и глушь вырвалась из оков. Сперва она возвратила себе все, что люди у нее отняли, исправила по-своему все, чем мы ее – по-нашему – украсили, а по ее рассуждению, вероятно, обезобразили, – и теперь идет войною уже на самый палац. Ступени террасы, подоконники, карнизы, балконы, черепичная крыша зелены, как и самый сад; на них растут мхи, травы, молодые древесные побеги. В моем кабинете отворить окна мешают ветви старой сирени. От нее темно в комнате. Надо будет ее срубить, но – прежде пусть отцветет: а теперь она вся, как невеста под венцом, в кистях белых благоуханных звездочек... вчера вечером на ней пел соловей...

3 мая

Дышу... молчу... слушаю деревенскую тишь и сам себе не верю: неужели я, всесветный бродяга и авантюрист, – наконец у пристани? В приюте тихом, прочном и долгом, откуда уже трудно убежать вдаль, опять на поиски нового, необыкновенного... Измаяли меня эти долгие поиски. Я начал их молодым, богатым, здоровым, а кончаю больным, полунищим, – хоть лет мне не так уж много – кто же назовет меня «еще молодым человеком»?

Прежде жажда новых ощущений увлекала меня в Южную Америку, в Среднюю Азию. Я видел пир людоедов в Африке и пускал бумеранг в казуара вместе с австралийскими дика-

рями. Теперь, если новому и необыкновенному угодно свести со мною знакомства, пусть оно само сюда пожалует: я не сделаю ни шага ему навстречу, – мне и здесь хорошо. Спасибо дяде, счастливому владельцу этих мест, что ему пришла в голову идея доверить мне управление Здановым, – идея довольно неосторожная, надо сознаться: в ней больше любви ко мне, чем практического благоразумия. Я ведь никогда ничем не управлял, – ничем, не исключая самого себя... Между тем я прослыл за человека с сильным характером.

Почему? Вероятно, потому, что я – изволите ли видеть – стрелял львов в Африке и ходил один на один, с ножом и рогатиною, на медведя в Олонецкой губернии. Великие заслуги! – нечего сказать! Как часто принимают люди за характер отсутствие в натуре человека способности к физическому страху... Еще в детстве, читая у Гримма сказку об удалце, который бродил по свету, напрасно стараясь узнать, что такое страх, – я думал: «Вот я тоже такой!» Всякая борьба дарила меня минутами высокого наслаждения; я не трусил никогда ни человека, ни зверя, ни черта. Я всегда делал только то, чего мне хотелось, и чего мне хотелось, непременно достигал. Но я никогда не мог заставить себя сделать то, что было надо сделать, никогда не насиловал себя к отказу от того, чего не следовало делать. Разве это характер? Нет, упрямое прихотничество, не больше. Характер – в повиновении долгу. Сам хвастаюсь храбростью, да и никто не скажет, что я трус... а между тем семнадцать лет тому назад я заставил

дядю купить себе рекрутскую квитанцию, чтобы избавиться от воинской повинности. Мне приятно драться с медведем, мне приятно стоять на дуэли, под пулею бреттера, вот почему я без страха шел на медведя, принимал и сам делал вызовы на поединок. «Все, все, что гибелью грозит, для сердца смертного таит неизъяснимы наслажденья, блаженства, может быть, залог!» Я замешался волонтером в чилийскую революцию – и показал себя храбрым солдатом. А от воинской повинности все-таки сбежал – затем, что тут я должен был стать солдатом не по своей воле, но по приказанию закона. А хоть я и не дурак, закон для меня, всю жизнь, был не писан. Удрал от солдатчины, чтобы сделать не по-людски, а по-своему. Где же тут характер?

8 мая

Четвертый день дождь... От скуки разбираю библиотеку... Все больше мистические книги – коллекция моего прадеда по матери, Никиты Афанасьевича Ладьина. Богач-вельможа XVIII века – и вольнодумец, и мистик: обычное смешение той эпохи! – он всю свою молодость возился с магами, заклинателями, дружил с Сен-Жерменом, Месмером, Калиостро, принадлежал к розенкрейцерской ложе. Потом приистрастился к путешествиям, изучил восточные языки, лет пятнадцать провел в скитаниях по азиатским землям и вернулся в Россию полуфакиром, человеком не от мира сего, – одаренный способностью ясновидения и редкою магнетиче-

скую силою. Он умер 22 марта 1832 года в один день и час с Гете, которому был приятелем, и, говорят, предсказал это совпадение за день до кончины.

Покуда в библиотеке нет ничего нового – по крайней мере, для меня... Есть, конечно, большие редкости, и я рад, что имею их под рукою, но все уже читано. Я ведь по духу прямой наследник прадеда Никиты Афанасьевича, даром что воспитался в строгой, рассудочной, положительной школе, в презрении к супернатурализму, в привычке считаться только с осязательными фактами. Кровь взяла свое. Мое материалистическое воспитание пригодилось мне лишь к тому, что, едва я стал самостоятельно думать, я интересовался исключительно явлениями, которые представляются нам выше материи, стараясь подогнать их под рамки своего знания. Твердо веруя, что на свете нет ничего сверхъестественного и все объяснимо логическим путем физики, химии и математики, что хоть иного мы еще и не умеем объяснить, не только не умеем, а не можем, – я, однако, исколесил весь земной шар в жадной погоне именно вот за тем, чего мы еще объяснить не умеем. Недаром же один французский журналист, после interview со мною, заключил свою статейку меткою фразой: «Это Фауст, сделавшийся авантюристом».

Двенадцать лет тому назад я, чтобы ознакомиться с средневековою демонологией, совершил путешествие в Париж и Рим... В Ватикане я изучал пергаментные фолианты, прикованные к полкам железными цепями: старинные суеверы

воображали, что если на эти книги не надеть кандалов, то черти непременно унесут их, чтобы лишить людей возможности изучать формулы и знаки, посредством которых Соломон, Альберт Великий, Корнелий Агриппа, Парацельс и Фауст покоряли себе нечистую силу. Средство довольно благо-разумное, если не против чертей, то против людей. Не знаю, сильно ли опасаются черти каббалистических сочинений, но между людьми, наверное, всегда найдется множество охотников стащить книгу, указывающую им дорогу к дьяволу.

Однако в библиотеке прадеда я нашел их без всяких цепей, и – ничего, целехоньки. Люди здешние не понимают библиографической ценности этих редкостей, а черти на Во-лыни – либо безграмотны, либо зазевались, по хохлацкому ротозейству, либо стали вольнодумцами и не нуждаются, по нынешнему времени, в магической литературе.

9 мая

Наконец любопытная находка – латинский *in quarto*¹, в телячьей коже, анонимный, печатан в Кельне, год издания вырван... по печати и заставкам не старше первой половины XVII столетия. Название: «*Natura Nutrix, aut Curiosa de Stellis, verbis, herbis, lapidibus, eorumque effectis et actionibus*»². Автор неизвестен... Мне еще не попадался

---

¹ В четвертую долю листа, т. е. том большого формата (*лат.*).

² «Природа-кормилица, или Занимательные истории о звездах, словах, травах, камнях, производящих изменения и действия» (*лат.*).

в руки этот «физиолог», как звались подобные сочинения в средние века.

Читается трудно... варварская схоластическая латынь... И чушь страшная... Но меня занимает автор, а не книга. Тот был фанатик! Хоть бы одно слово сомнения в своих знаниях, недоверия к своим чудесам. У него нет гипотез – все аксиомы. Рубит прямо и повелительно: *Misce, fac, divide!*³ Произнеси такие-то и такие-то заклинания, и готово: совершится такое-то чудо, такой-то и такой-то черт покажется тебе в решете.

Курьеза ради я проделал один из рецептов, произнес заветную формулу – однако дьявол *in persona*⁴ не соблаговолил ко мне пожаловать. Впрочем, может быть, ему помешали: как раз в эту минуту ко мне постучался мой старый Якуб, чтобы доложить, что приехал ко мне с визитом наш уездный врач. Зовут его Коронатом Вячеславовичем Паклевецким. Он из смоленских дворян. Веселый человек.

– Знаете, – говорит, – нас, смоляков, дразнят: кость-то шляхетная, да собачьим мясом обросла... Это русские. А поляки говорят про нас другое: пул пса, пул козы – недовярок Божий...

Образованный, живой, довольно остроумный. Брюхо Гаргантюа, губы младенца. Но мне он все-таки не понравился. Что-то уж очень много развязности... думается мне, что Па-

---

³ Смешивай, удаляй, разделяй на части! (*лат.*).

⁴ Собственной персоной (*лат.*).

клевецкий совсем не такой душа человек, каким хочет казаться. Черненькие глазки его щурятся в постоянную улыбку, но взгляд остается холодным и сторожким... Точно доктор всегда за тобою следит, а самого его – нет, дудки! врасплох не поймаешь! А есть на душе у него что-то скверное, нечистое... есть! Впрочем, если только у него вообще есть душа, а не пар, как у кота Васьки.

10 мая

Солнце выглянуло... Тепло, свет и аромат... Я пробыл целый день в парке... Ушел только с закатом солнца.

Проходя домой, вижу вдали, между двумя кустами жимолости, розовое пятно. Подхожу ближе, – пятно оказывается дамою – и даже очень красивою. Надо полагать, страстная любительница природы: устала на закат и не сморгнет; а глаза огромные, прекрасные, голубые; волосы, как золото. Я поклонился. Дама оглядела меня с изумлением, отдала поклон и, сконфузясь, скрылась за деревьями так быстро, что я не успел ни слова ей сказать, ни последовать за нею. Только раза два мелькнуло в кустах розовое платье... Очаровательное создание! Я даже рад, что не удалось познакомиться. В этой немой мимолетной встрече было что-то поэтическое.

С «Natura Nutrix» наконец развязался. Любопытную показала мне только следующая легенда: «В стране диких монголов, где берут свое начало пять рек, изливающихся в Индейское море, растет папоротник, называемый Огненный

Цвет, добываемый туземцами с великими трудностями, потому что гнездится он в глубине диких ущелий, между снежными горами, на неприступных топях и трясинах. Но туземцы не боятся ни трудностей, ни лишений, презирают опасность самой жизни своей, лишь бы достать куст Огненного Цвета; владеющий же таким сокровищем не уступит его, ни даже если предложить золота в десять раз против его веса. Цвет этот имеет великую и чудесную силу. Кто владеет им, видит, как бы сквозь хрустальную стену, все золото в жилах и россыпях под землею. Месторождения же золота суть в то же время и месторождения жизни. Владея Огненным Цветом, легко достать из земли жизненные волокна, и тогда человеку тому не страшны угрозы смерти: он будет жив, пока сам не пожелает избавиться от тягостей земного бытия. Он может воскрешать мертвых, соединять в существа телесные атомы и элементы, рассеянные в воздушных пространствах, вызывать чувство и голос в бездушных предметах. Но достать Огненный Цвет удастся едва ли одному человеку в столетие; ибо растение охраняется неусыпною ревностью злых духов, всегда враждебных человеку и закрывающих для него двери благополучия. Так как злые духи сами не могут, по божественному милосердию, касаться до Огненного Цвета – разящего их, как молнией, если он не был еще в руках человеческих, – то, когда искатель подступает к таинственному растению, бесовская сила окружает его со всех сторон и, допустив человека сорвать цветок, затем страшит его зрели-

цем всяких чудовищ, пока человек от ужаса не умрет или не выронит драгоценного цветка, пламенеющего в руке его».

Похоже на наши славянские поверья. Неудивительно: легенда идет с Тибета, а вся мистика – родом оттуда.

Спрашивал Якуба о розовой незнакомке.

Недоумевает:

– Нету у нас такой во всем околотке.

Я пошутил:

– Уж не русалка ли это была?

Он очень спокойно возразил:

– Нет, теперь у нас русалок нет.

– А прежде были?

– Эге!

– Отчего же они перевелись?

– А от пана грабего Ксавера Тадеуша, дедушки вашего.

– Как же он их повывел?

– Известно как: стал ловить, а которых поймает – пороть.

– Русалок-то?

– Эге!

– Да ты врешь, Якуб: как же можно русалку выпороть! Она – дух!

– Эге! Не знали вы, пане грабя, дедушки вашего.

11 мая

Заезжал доктор, привез целый ворох сплетен. У него по этой части талант замечательный. Я – в обмен – рассказал

ему свою встречу в парке. Тоже руками развел:

– Гм... чудно... Кто бы такая?.. Надо разузнать... Этого даже мой гонор требует. Уездный врач должен быть всеведущим и вездесущим.

Он шутил, но острый колючий взгляд его был серьезнее обыкновенного. С чего бы? Уж нет ли у него поблизости зазнобы, не ее ли подозревает он в загадочной гостье моего парка? А он, надо думать, преревнивый и в ревности злой. Такие толстяки, простодушные на вид и хитрые на самом деле, всегда злецы и тираны в своей домашней жизни.

Показал ему «Natura Nutrix». Заинтересовался страшно. Сперва издевался над невежеством средневековых естествоведов, хохотал, выхватывал из книги разные наивности и нелепости, а потом заговорил на тему: как удивительно, что самые простые идеи даются человечеству позже всего.

– Вот хоть бы эта «Natura Nutrix». Смотрите: какая тщательность работы, кропотливость изысканий. Прямо – дело целой жизни. И весь труд – впустую. Человек тысячу лет вертелся около химии, электричества, магнетизма, держал много раз в руках их идеи, – все-таки не мог их найти... Точно в жмурки играл с наукою, ловил ее с завязанными глазами... А найти было так просто: стоило только отказаться от идеи о сверхъестественных вмешательствах в жизни человека и природы, стоило только условиться, что все существует и движется само по себе, своею собственной силою, – и все нашлось: и химия Лавуазье и Бертоло, и электричество

Гельмгольца и Эдиссона, и гипнотизм Шарко...

Он долго ораторствовал, нападая на мистику и, в особенности, на современные сатанические и теософические культуры, с ожесточением – точно бедняга-сатана был его личный грозный враг. Мне стала смешна горячность его полемики с пустым местом.

Я сказал:

– Поздравляю вас: вы прекрасный оратор. Вы очень искусно разбили современную демономанию и вполне доказательно отрицаете дикости мистицизма. Но известно ли вам острое выражение одного француза-теолога? Он говорит: «Le chef d'oeuvre de Satan est de s'être fait nier par notre siècle...»

Паклевецкий насторожился, задумался – точно перевел про себя фразу – и закатился громким и искренне веселым смехом:

– Но послушайте... ведь это – превосходно! Это – черт знает как метко и верно!.. «Шедевр сатаны в том, что он заставил наш век отрицать его существование...» Очень, очень замысловато. Молодец француз! Ловко потрафил, собака!

Он смеялся до самого отъезда... Но в экипаже – я видел из окна – нахмурился... Нехорошее у него лицо, когда он хмурится, и нехорошую душу оно обличает. Я вижу Паклевецкого насквозь и никогда не доверюсь ему ни на мизинец! И он меня не любит. Не знаю, за что, но я чувствую, что не любит.

12 мая

Тайна розовой дамы объяснилась. По произведенному Якубом следствию обнаружено, что розовое платье, подходящее к моему описанию, имеется только у панны Ольгуси, кузинки пана ксендза Августа Лапоциньского из соседнего Заборья, заведующей домом и хозяйством его велебности: «Une demoiselle pour faire tout»⁵ – называют эту должность французы; и – что панна Ольгуся, сгорая Евиным любопытством видеть новоприезжего здановского графа, уже неоднократно делала в наш парк нашествия, вместе со своею покоювкою, якобы за ягодами, хотя до ягод еще – добрые две недели.

Приедет Паклевецкий, подразню его: всезнайка, а не догадался!

О панне Ольгусе Якуб говорит с самою коварною и злодейскою улыбкой, ясно намекая всею своею рожеею старого, еще крепостного Лепорелло:

– Ежели пану графу угодно свести интрижку, пусть пан граф не зеваает, – тут клонет!

Однако черт возьми этого велебного Августа! Даже непозволительно обзаводиться для хозяйства такую хорошенькою кузиною...

14 мая

---

⁵ Прислуга на все (фр.).

Отправился вчера кататься верхом, и Корабеля угораздило расковаться как раз у Заборья... В результате я провел вечер у пана ксендза Лапоциньского, получил от него два мата в шахматы, пил чай и ел варенец из белых ручек панны Ольгуси. Ольгуся очень красивый двуногий зверь. Не понимаю, как показалась мне только что не за фею эта сытая и здоровая деревенская красавица с формами Цереры и широко раскрытыми васильковыми глазами? По первому впечатлению, я чуть было не усомнился:

– Да это не она... Совсем другая фигура, другое лицо...

Но потом лукавые улыбки и хитрые намеки панны Ольгуси убедили меня, что предо мною действительно моя незнакомка... Всю поэзию встречи надо, таким образом, поставить на счет зелени парка и красных лучей вечернего солнца...

15 мая

Опять задождило... Дробные, мелкие и частые, словно сквозь сито, капли барабнят с утра по оконным стеклам... Холодно и сыро на дворе, в доме неприветливо. Тоска! Хоть бы доктор завернул, что ли... Нашел в библиотеке записную книжку прадеда. Вся исписана рецептами, давно вышедшими из употребления... Средства все – возбуждающие жизнедеятельность: железные препараты, aphrodisiaca. Почти половина книжки занята тайнописью. Ключ к шифру найти не трудно, вероятно, да лень и, наверное, не стоит. Знаю я

тайны российских мистиков XVIII века! Убьешь три дня на пробы и догадки, а в результате расшифруешь какой-нибудь необыкновенно важный секрет – вроде того, что касторовое масло имеет особенно сильное действие при новолунии, а в полнолуние лучше прибегать к ревеню...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.